

Отзыв

на диссертацию иер. Сергия Денисюка «Критика фатализма в восточной церковной письменности II–VIII веков», представленную на соискание ученой степени кандидата богословия по специальности Патрология

Диссертация иер. Сергия Денисюка представляет собой масштабное исследование полемики восточных святых отцов и церковных писателей II–VIII вв., направленной против комплекса взглядов, который автор в соответствии с принятым в научной литературе обозначением называет «фатализмом». Базовая гипотеза исследования заключается в предположении о том, что критика фатализма исторически эволюционировала: от использования классических антифаталистических аргументов и их творческой трансформации до использования аргументов, основанных собственно на Св. Писании, пока фаталистическое мировоззрение не утратило своего значения на православном Востоке.

В содержательном плане работу отличает комплексное и всесторонне исследование «антифаталистической полемики» св. отцов и писателей Восточной Церкви, анализ большого числа источников в русских переводах с привлечением древнегреческих оригинальных текстов. Методологически автор следует лучшим традициям принятого в патрологии доксографического подхода, что не мешает ему в то же время предлагать критический анализ своеобразных взглядов на данную тему ряда церковных писателей. Обширная библиография включает 383 пункта (на разделы «Источники» и «Литература» приходится примерно по половине наименований), автор активно использует классические и современные наработки отечественной и зарубежной патрологии.

Определенной новизной обладают следующие положения диссертации:

1. В формативный период христианского богословия, отличающийся усилиями по «переводу» богословских понятий на язык греческой философии и складыванием нового типа мысли, тоже вполне греческого по своему характеру, святые отцы и церковные писатели активно используют классическую философскую антифаталистическую аргументацию, разработанную такими философами, как Аристотель, Карнеад, Филон Александрийский, Александрий Афродисийский и др. В борьбе с фатализмом церковные авторы наиболее часто пользуются нравственным аргументом, усиливая его другими классическими аргументами: разных судеб, общей судьбы, «варварских обычаев», аргумента «от животных».

2. У представителей школ христианского богословия в этот периода появляются собственно христианские доводы: апелляция к авторитету Св. Писания, указание на действие демонических сил, бессмысленность молитв и почитания Бога для фаталистов, причисляющих себя к христианам; звездопоклонство астрологов, обожествляющих небесные светила; наиболее часто используются аргументы о свободной воле человека и действии в мире Божественного Промысла.

3. Произведения VI–VIII вв. демонстрируют падение интереса к антифаталистической полемике. Причиной может считаться окончательная победа в Византии христианского учения над фаталистическими языческими и гностическими взглядами.

4. В истории антифаталистической полемики встречаются отдельные попытки примирить христианское мировоззрение с элементами учения о судьбе (Бардесан, Ориген, Синезий Киренский). Однако они являются скорее исключением в христианской восточной мысли той эпохи.

Несмотря на многочисленные патрологические работы на русском и европейском языках, тема «критики фатализма» у церковных писателей до сих пор не нашла целостного освещения, а ограничивается лишь фрагментарными исследованиями и упоминаниями. Об актуальности темы диссертации говорит и растущий в последнее время интерес исследователей-патрологов к темам, в которых можно усмотреть рефлексы современных (прежде всего, философских) дебатов по вопросам детерминизма/индетерминизма, а также взаимодействия науки и религии. Так, можно указать на замечательный труд Г. Беневича об «истории Промысла» (2013), на который неоднократно ссылается иер. Сергей Денисюк. Действительно, в современном мире (как, например, и сто с лишним лет назад), можно констатировать в равной степени распространенность детерминистских взглядов, так и увлеченность астрологическими прогнозами. Общее сходство с ситуацией поздней античности, конечно, ставит перед священниками и миссионерами ряд вызовов, на которые можно и нужно отвечать с использованием в том числе антифаталистических аргументов древних отцов. Однако вместе с тем возникает вопрос о различиях духовно-исторических ситуаций, которые предварительно должны быть четко описаны и осознаны. Если языческие и христианские авторы первых веков, несмотря на принципиальные новшества, вносимые креационистским подходом, в целом разделяли античные представления о *physis*'е и *kosmos*'е, то современное неосциентистское мировоззрение предполагает комплекс совершенно иных представлений о природе и «положении человека в мире». На смену

physis давно пришла новоевропейская natura, а «античное» положение человека между животными и богами заменено ситуацией «биосоциального индивида», подчиняющегося физиологическим и историческим закономерностям. Опять-таки если свободная воля античной философии и патристики, autexousion, – это свобода выбирать добро и уклоняться от зла, то такое понимание как раз не является самоочевидным в современном философском контексте, заданном эпохой Просвещения и, в частности, Кантом, для которого свобода воли предполагает автономию в смысле возможности самостоятельно начинать причинно-следственную цепочку событий, а не быть просто звеном в каузальной цепи. Одним словом, чтобы использовать «антифаталистические» аргументы св. отцов и церковных писателей в актуальных апологетических целях необходимо четко отдавать себе отчет как о различиях в понимании свободной воли, так и смысловых интенциях тех, кто «верит в судьбу»: если для античной «эпистемы» астрология не противоречила науке, то сегодня она однозначно маркирована как «паранаука»; кроме того, допущение действия демонических сил часто рассматривается как предрассудок.

Но вернемся непосредственно к диссертации, которая состоит из трех глав, продиктованных исторической логикой: описания фаталистической проблематики в античной и раннехристианской литературе (1); критики фатализма в доникейский период (2); и критики фатализма в посленикейский период (3). Текст диссертации очень плотен и информативен, тем не менее в нем встречаются немаловажные упущения.

Предварительный анализ понятий «фатализм, fatum», конечно, носит обзорный характер, однако является неполным и содержит неточности (как, например, отождествление с понятием fortuna) (с. 21–22). Так, латинский этимологический словарь A. Walde (1938, 463) однозначно указывает 1) на значения оракула и прорицания качестве первых значений, синонимичных понятию судьбы и участи (изначально происходит, как и слова fabula, fama от индоевропейского корня *bhā- со значением «говорить») 2) на противоположность понятий fatum и fortuna, а не на их синонимичность.

fatum, -i n. „Schicksalspruch, Orakel, Weissagung; Schicksal, Geschick“ (auch schlimmes, Tod; opp. fortuna, Isid. 8, 11, 94); met. (dicht.) „abgeschiedene Seele“ (Enk Mnem. 42, 370 ff.; seit Plaut., rom. [z. T. verdrängt durch soror]; vlt. [Stolz-Schmalz⁴ 17] auch fatum [vgl. afrz. moufê „Teufel“, Wartburg III 436], rom. auch Fata „Schicksalsgöttin, Fee“ [aus dem Roman. mhd. fete), nhd. Fee]; vgl.

К сожалению, автор отказывается от исследования контекста употребления у греческих философов и восточных церковных авторов понятий εἰμαρμένη, περρωμένη,

αἴσα, ἀνάγκη (реже τύχη), принимает в большинстве случаев русские переводы (далеко не всегда удовлетворительные) и для удобства ставит знак равенства в понимании вышеприведенных терминов (с. 25). Даже если более дифференцированная картина употребления «фаталистической» терминологии при необходимости все же приводится, однако делается это не систематически, а выборочно (как, например, на с. 187 применительно к изложению учения Синезия Киренского).

Параграфы 1.3.2. «Предопределение в пророческих книгах Ветхого Завета» и 1.3.3. «Тема предопределения в Священном Писании Нового Завета», вопреки своим названиям, посвящены не собственно библеистическому анализу взглядов авторов книг ВЗ и НЗ, а интерпретациям темы предопределения в святоотеческой литературе, в частности, у Оригена, свт. Иоанна Златоуста, блж. Феодорита Кирского и даже преп. Максима Исповедника.

В первой части диссертации автор принимает в качестве базового разделение античных философов на *противников и сторонников фатализма*. Это разделение представляется искусственным, так как, на наш взгляд, речь должна идти о взаимодействии и полемике античных *философских школ*. Так, аргументы скептика Карнеада направлены не против какого-то абстрактного «фатализма», а прежде всего против догматизма Хрисиппа, а затем уже и против стоической теории рока стоиков. Тому же стоицизму адресованы критические аргументы Александра Афродисийского, который оспаривал прежде всего «пальму первенства» в плане преемства истинного аристотелизма. Стоическая школа в онтологическом плане – это прежде всего материализм и пантеизм, в этическом – счастье как «апатия», что было неприемлемо ни для перипатетиков с их эвдемонизмом, ни для платоников с их пониманием счастья как познания Блага. Ничего общего, кроме общего врага в лице стоиков у Александра, Филона и Карнеада не было. Иными словами, хотя автор признает, что представления о фатуме «не были единообразными», что античных философов волновал вопрос об участии богов в жизни людей, однако использует методологически неудачный, на мой взгляд, термин «антифаталисты» (с. 50).

Во второй части центральное место занимает подробное изложение взглядов Оригена (2.7.). Это более чем оправдано, однако по прочтении параграфа возникает важный вопрос, который не развёртывается диссертантом. А именно, каким образом у авторитетнейшего александрийского богослова решается проблема философского и богословского согласования учения о свободе воле, учения церковного, отвечающего догмам веры, с идеей апокатастасиса, которая была позднее признана еретической.

Во второй части автор даёт возможность проследить интересный эффект помещения классической межшкольной полемики (скептицизм – стоицизм) по вопросу детерминизма/индетерминизма в контекст становящегося христианского богословия. Автор не ограничивается констатацией заимствования «новоакадемических доводов» (ср. стр. 106, 143, 146), но обращает внимание (хотя только разделе Выводы, с. 130–131) на совершенно новый характер, который приобретают эти аргументы у апологетов, критикующих «заблуждения язычников» относительно влияния звезд. Тем не менее это представляется недостаточным: в продолжение *темы существенной трансформации понятий, терминов и аргументов при переносе с языческой на христианскую почву* имело бы смысл раскрыть ряд других вопросов, как-то: происхождение термина «злые демоны» применительно к божествам греческого пантеона, идею «сотрудничества демонов с оракулами» (с. 129), равно как и сам смысл этого понятия, его отношения к вопросу о свободе человеческой воли. Как эти идеи вызревали в апологетике, в период тесного и болезненного контакта христиан и язычников? Ведь по представлениям апологетов, демоны – это активные субъекты, тоже обладающие свободной волей и увлекающие человека в сторону от истинного Бога. Достаточно ли здесь общего указания на борьбу монотеизма с политеизмом? Ведь в позднеантичной культуре было распространено скорее положительно коннотированное понятие о «daimonion» (как известно, у Сократа так именовался некий внутренний голос, который отвращал его от дурных дел, а как поступать правильно, не говорил, предоставляя это дело разумной воле; так же вполне положительное понятие о «демонах» встречается и у Плотина).

Другое замечание касается экспликации христианской теодицеи. А именно, по нашему мнению, стоило бы систематически уделить больше внимания описанию *принципиальной новизны христианской теодицеи* (упоминание о ней встречается только в самом конце диссертационного исследования, на стр. 228), которая выходит за рамки классической античной *космодицеи* (космологической парадигмы), наиболее ярко выраженной в неоплатонизме.

Также остается непонятным, из каких именно источников церковные писатели черпают те самые антифаталистические аргументы скептика Карнеада («ненужность законов» и «обычай варваров»), использование которых автор диссертации констатирует практически у всех анализируемых им персоналий. Едва ли является удовлетворительным такое объяснение: «Святитель (Григорий Богослов) просто отвергает фатализм, прибегая при этом к нескольким общим идеям академического происхождения, общеизвестным для большинства его современников» (с. 146). Или такое объяснение (применительно к свт.

Епифанию Кипрском): «В этом отрывке можно увидеть использование двух моральных антифаталистических аргументов Карнеада. Тем не менее, ввиду отношения свт. Епифания к философии, вряд ли он осознанно обращался к какому-либо доксографическому источнику... некое „эхо“ нравственного аргумента Карнеада о бесполезности законов» (с. 172).

Текст диссертации выверен, написан хорошим литературным языком, однако в нем все же встречаются досадные неточности, которые следовало бы устранить, если автор решит готовить текст к публикации в виде книги. Имеются в виду следующие формулировки: «детерминизм Демокрита и Эпикура» (с. 116); «христианский догмат свободной воли» (с. 197); «свобода человека для христианства является аксиомой веры» (с. 235). Коротко объясним недоумение: 1) для античной философии атомизм Демокрита действительно представляет собой разновидность детерминизма, однако эпикуреизм, вводящий понятие о свободном отклонении атомов (*clinamen*), все-таки не может быть поставлен с ним в один ряд. 2) Очевидно, что *liberum arbitrium* – это философская концепция, а не какая-то собственно христианская догма. 3) То же самое можно сказать и о свободе человека как таковой, которая не является «аксиомой веры» (чем-то, что принимается без доказательств в научном смысле слова), иначе непонятно, как квалифицировать западно-христианскую полемику Августина и Пелагия или полемику Эразма Роттердамского и Лютера («О рабстве воли»).

Данные замечания носят рабочий характер и не влияют на общую положительную оценку работы.

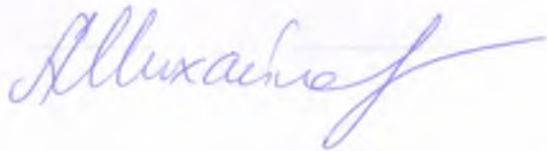
В целом хотелось бы отметить высокий уровень изложения и анализа материала. Особенно удачными можно назвать параграфы о Бардесане, Оригене, свт. Григории Нисском, Немесии Эмесском. Вводимые в научный оборот материалы и приводимые обобщения заполняют имевшуюся в отечественной патрологической науке лауну по проблеме «антифаталистической полемики», создавая цельную картину учения святых отцов и церковных писателей II–VIII вв. о неприятии фатализма и астрологии.

Теоретические положения и материалы диссертации могут быть использованы для составления антологии с условным названием «Церковные авторы против астрологии», равно как будут, несомненно, полезны и в учебном процессе при подготовке студентов по специальности «патрология».

Основные положения и выводы диссертации опубликованы в ведущих рецензируемых изданиях, получили отражение в автореферате.

Диссертационное исследование прот. Сергия Денисюка на тему «Критика фатализма в восточной церковной письменности II–VIII веков» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия по специальности «патрология».

Доцент, кандидат философских наук, доцент школы философии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ А.В. Михайловский

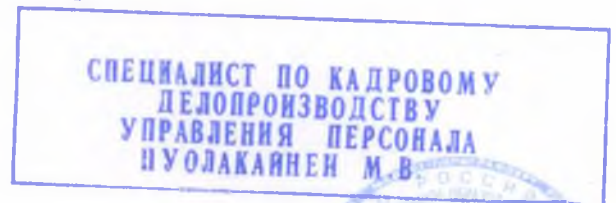

Почтовый адрес: 117 393 Москва, ул. Акад. Пилюгина, д. 12., к. 1, кв. 163

Телефон: +7 (916) 609-12-62

E-mail: amichailowski@hse.ru

Подпись заверяю

12. 08. 2019

